

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

БОЛЬШИЕ КНИГИ

Виктория Токарева

ЛОШАДИ
С КРЫЛЬЯМИ

ПОВЕСТИ

Издательство «Азбука»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43
Т51

Серийное оформление Вадима Пожидаева

В оформлении обложки использована картина Винсента Ван Гога «Пшеничное поле с кипарисом» © *Everett – Art / shutterstock.com*

Токарева В.

Т51 Лошади с крыльями : Повести. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 640 с. – (Русская литература. Большие книги).
ISBN 978-5-389-14773-7

Повести Виктории Токаревой – панорама жизни, переплетение романтических, семейных и дружеских отношений, лоскутное одеяло случайных встреч и многолетних связей. Поучительные без назидания. Теплые без ложных сантиментов. Близкие и необходимые всем нам – нуждающимся в поддержке, доброте, мудрости и понимании, что ты не один.

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43

ISBN 978-5-389-14773-7

© Токарева В. С., 2018

© Оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018

Издательство АЗБУКА®

СТАРАЯ СОБАКА

Инна Сорокина приехала в санаторий не за тем, чтобы лечиться, а чтобы найти себе мужа. Санаторий был закрытого типа, для высокопоставленных людей, там вполне мог найтись для нее высокопоставленный муж. Единственное условие, которое она для себя оговорила, — не старше восьмидесяти двух лет. Все остальное, как говорила их заведующая Ираида, имело место быть.

Инне шел тридцать второй год. Это не много и не мало, смотря с какой стороны смотреть. Например, помереть — рано, а вступать в комсомол — поздно. А выходить замуж — последний вагон. Поезд уходит. Вот уже мимо плывет последний вагон. У них в роддоме тридцатилетняя женщина считается «старая первородящая».

Замужем Инна не была ни разу. Тот человек, которого она любила и на которого рассчитывала, очень симпатично слинял, сославшись на объективные причины. Причины действительно имели место быть, и можно было понять, но ей-то что. Это ведь его причины, а не ее.

В наше время принято выглядеть на десять лет моложе. Только малокультурные люди выглядят на свое. Инна не была малокультурной, но выглядела на свое — за счет лишнего веса. У нее было десять лишних килограммов. Как говорил один иностранец: «Ты немножко тольская, стрэмительная, и у тебя очень красивые глаза...»

Инна была «немножко тольская», высокая крашенная блондинка. Волосы она красила югославской краской. Они были у нее голубоватые, блестящие, как у куклы из магазина «Лейпциг». Время от времени она переставала краситься — из-за хандры, или из-за того, что пропадала краска, или лень было ехать в югославский магазин, — и тогда от корней начинали взрастать ее собственные темно-русые волосы. Они отрастали почти на ладонь,

и голова становилась двухцветной — половина темная, а половина белая.

Сейчас волосы были тщательно покрашены и промыты и существовали в прическе под названием «помоталка». Идея прически состояла в следующем: вымыть голову ромашковым шампунем и помотать головой, чтобы они высохли естественно и вольно, без парикмахерского насилия.

Одета Инна была в белые фирменные джинсы и белую рубашу из модной индийской марли и в этом белом одеянии походила на индийского грузчика, с той только разницей, что индийские грузчики — худые брюнеты, а Инна — плотная блондинка.

Войдя в столовую, Инна оглядела зал. Публика выглядела как филиал богадельни. Старость была представлена во всех вариантах, во всем своем многообразии. Средний возраст, как она мысленно определила, — сто один год.

Инна поняла, что зря потратила отпуск, и деньги на путевку, и деньги на подарок той бабе, которая эту путевку доставала.

Инну посадили за стол возле окна на шесть человек. Против нее сидела старушка с розовой лысинкой, в прошлом клоун, и замужняя пара. Он — по виду завязавший алкоголик. У него были неровные зубы, поэтому неровный язык, как хребет звероящера, и привычка облизываться. Она постоянно улыбалась, хотела понравиться Инне, чтобы та, не дай бог, не украла ее счастье в виде завязавшего алкоголика с ребристым языком. Одета была как чучело, будто вышла не в столовую высокопоставленного санатория, а собралась в турпоход по болотистой местности.

Завтрак подавали замечательный, с деликатесами. Но какое это имело значение? Ей хотелось пищи для души, а не для плоти. Хотелось влюбиться и выйти замуж. А если не влюбиться, то хотя бы просто устроиться. Человеческая жизнь рассчитана природой так, чтобы успеть взрастить два поколения — детей и внуков. Поэтому все надо успеть своевременно. Эту беспощадную своевременность Инна наблюдала в прошлый отпуск в деревне. Три недели стояла земляника, потом пошла черника, а редкие земляничные ягоды будто были напильником воды. Следом — малина. За малиной — грибы. Было такое впечатление, что все эти дары лета выстроились в очередь друг за дружкой и тот, кто стоит в дверях, выпускает их одного за другим на определенное время. И каждый вид знает, сколько ему стоять. Так и человеческая жизнь: до четырнадцати лет — детство. От четырнадцати до двадцати че-

тырех — юность. С двадцати четырех до тридцати пяти — молодость. Дальше Инна не заглядывала. По ее расчетам, ей осталось три года до конца молодости, и за эти три года надо было успеть что-то посеять, чтобы потом что-то взрастить.

Внешне Инна была высокая блондинка. А внутренне — наивная хамка. Наивность и хамство — качества полярно противоположные. Наивность связана с чистотой, а хамство — с цинизмом. Но в Инне все это каким-то образом совмещалось — наивность с цинизмом, ум с глупостью и честность с тяготением к вранью. Она была не врунья, а вруша. На первый взгляд это одно и то же. Но это совершенно разные вещи. По задачам. Врунья врет в тех случаях, когда путем вранья она пытается чего-то достичь. В данном случае — это оружие. Средство. А вруша врет просто так. Ни за чем. Знакомясь с людьми, она говорила, что работает не в родильном доме, а в кардиологическом центре, потому что сердце казалось ей более благородным органом, чем тот, с которым имеют дело акушерки. В детстве она утверждала, что ее мать не уборщица в магазине, а киноактриса, работающая на дубляже (поэтому ее не бывает видно на экранах).

Наивность среди прочих проявлений заключалась в ее манере задавать вопросы. Она, например, могла остановить крестьянку и спросить: «А хорошо жить в деревне?» Или спросить у завязавшего алкоголика: «А скучно без водки?» В этих вопросах не было ничего предосудительного. Она действительно была горожанка, никогда не жила в деревне, никогда не спивалась до болезни, и ее интересовало все, чего она не могла постичь собственным опытом. Но, встречаясь с подобным вопросом, человек смотрел на Инну с тайным желанием понять: она дура или придуривается?

Что касается хамства, то оно имело у нее самые разнообразные оттенки. Иногда это было веселое хамство, иногда обворожительное, создающее шарм, иногда умное, а потому циничное. Но чаще всего это было нормальное хамское хамство, идущее от постоянного общения с людьми и превратившееся в черту характера. Дежурия в предродовой, она с трудом терпела своих рожениц, трубящих как слоны, дышащих как загнанные лошади. И роженицы ее боялись и старались вести себя прилично, и бывали случаи — рожали прямо в предродовой, потому что стеснялись позвать лишний раз.

Возможно, это хамство было как осложнение после болезни — дефект неустроенной души. Лечить такой дефект можно только лаской и ощущением стабильности. Чтобы любимый муж,

именно муж, звонил на работу и спрашивал: «Ну, как ты?» Она бы отвечала: «Да ничего...» Или гладил бы по волосам, как кошку, и ворчал без раздражения: «Ну что ты волосы перекрашиваешь? И тут врешь. Только бы тебе врать».

Прошла неделя. Погода стояла превосходная. Инна томилась праздностью, простоем души и каждое утро после завтрака садилась на лавочку и поджидала: может, придет кто-нибудь еще. Тот, кто должен приехать. Ведь не может же Он не приехать, если она ТАК его ждет.

Клоунесса усаживалась рядом и приставала с вопросами. Инна наврала ей, что она психоаналитик. И клоунесса спрашивала, к чему ей ночью приснилась потрошенная курица.

— Вы понимаете, я вытащила из нее печень и вдруг понимаю, что это моя печень, что это я себя потрошу...

— А вы Куприна знали? — спросила Инна.

— Куприна? — удивилась клоунесса. — А при чем здесь Куприн?

— А он цирк любил.

Старушка подумала и спросила:

— А как вы думаете, есть жизнь после жизни?

— Я ведь не апостол Петр. Я психоаналитик.

— А что говорят психоаналитики?

— Конечно, есть.

— Правда? — обрадовалась старушка.

— Конечно, правда. А иначе — к чему все это?

— Что «это»?

— Ну Это. Все.

— Честно сказать, я тоже так думаю, — шепотом поделилась клоунесса. — Мне кажется, что Это начало Того. А иначе зачем Это?

— Чтобы нефть была.

— Нефть? А при чем тут нефть?

— Каменный уголь — это растения. Торф. А нефть — это люди. Звери.

— Но я не хочу в нефть.

— Мало ли что...

— Но вы же только что сказали «есть», а сейчас говорите — нефть, — обиделась старушка.

В этот момент в конце аллеи показалась «Волга». Она ехала к главному корпусу, и правильно сказать — не ехала, а летела, будто не касалась колесами асфальтированной дорожки. Инна

насторожилась. Так могла лететь только судьба. Возле корпуса машина встала. Не остановилась и не затормозила, а именно встала как вкопанная. Чувствовалось, что за рулем сидел супермен, владеющий машиной, как ковбой мустангом.

Дверца «Волги» распахнулась, и с двух сторон одновременно вышли двое: хипсовая старушка с тонкими ногами в джинсовом платье и ее сын, а может, и муж с бородкой под Добролюбова. «Противный», — определила Инна, но это было неточное определение. Он был и привлекателен, и отталкивающ одновременно. Как свекла — и сладкая, и пресная в одно и то же время.

Он взял у старушки чемодан и понес его в корпус. «Муж», — догадалась Инна. Он был лет на двадцать моложе, но в этом возрасте, семьдесят и пятьдесят, разница не смотрится так контрастно, как, скажем, в пятьдесят и тридцать. Инна знала, сейчас модны мужья, годящиеся в сыновья. Как правило, эти внешне непрочные соединения стоят подолгу, как временные мосты. Заведующая Ираида старше своего мужа на семнадцать лет и все время ждет, что он найдет себе помоложе и бросит ее. И он ждет этого же самого и все время высматривает себе помоложе, чтобы бросить Ираиду. И это продолжается уже двадцать лет. Постоянные временщики.

Во время обеда она, однако, заметила, что сидят они врозь. Старушка в центре зала, а противный супермен — возле Инны. «Значит, не родственники», — подумала она и перестала думать о нем вообще. Он сидел таким образом, что не попадал в ее поле зрения, и она его в это поле не включила. Смотрела перед собой в стену и скучала по работе, по своему любимому человеку, который хоть и слинял, но все-таки существовал. Он же не умер, его можно было бы позвать сюда, в санаторий. Но звать не хотелось, потому что неинтересно было играть в проигранную игру.

Вспоминала новорожденных, спеленатых, как рыбки шпроты, и так же, как шпроты, уложенных в коляску, которую она развозила по палатам. Она набивала коляску детьми в два раза больше, чем положено, чтобы не ходить по десять раз, и возила в два раза быстрее. Рационализатор. И эта коляска так грохотала, что мамы приходили в ужас и спрашивали: «А вы их не перевернете?»

Новорожденные были похожи на старичков и старушек, вернее, на себя в старости. Глядя на клоунессу, сидящую напротив, и вспоминая своих новорожденных, Инна понимала, что природа

делает кольцо. Возвращается на круги своя. Новорожденный нужен матери больше всего на свете, а у глубоких стариков родителей нет, и они нужны много меньше, и это естественно, потому что природа заинтересована в смене поколений.

Клоунесса с детской жадностью жевала холодную закуску. Инна догадывалась, что для этого возраста ценен только факт жизни сам по себе, и хотелось спросить: «А как живет без любви?»

— А где моя рыба? — спросил противный супермен.

Он задал этот вопрос вообще. В никуда. Как философ. Но Инна поняла, что этот вопрос имеет к ней самое прямое отношение, ибо, задумавшись, она истребила две закуски: свою и чужую. Она подняла на него большие виноватые глаза. Он встретил ее взгляд — сам смутился ее смущением, и они несколько длинных, нескончаемых секунд смотрели друг на друга. И вдруг она увидела его. А он — ее.

Он увидел ее глаза и губы — наполненные, переполненные жизненной праной. И казалось, если коснуться этих губ или даже просто смотреть в глаза, прана перельется в него и тело станет легким, как в молодости. Можно будет побежать трусцой до самой Москвы.

А она увидела, что ему не пятьдесят, а меньше. Лет сорок пять. В нем есть что-то отроческое. Седой отрок. Интеллигент в первом поколении. Разночинец. Было очевидно, что он занимается умственным трудом, и очевидно, что его дед привык стоять по колено в навозе и шуровать лопатой. В нем тоже было что-то от мужика с лопатой, отсюда бородка под Добролюбова. Маскируется. Прячет мужика. Хотя — зачем маскироваться? Гордиться надо.

Еще увидела, что он — не свекла. Другой овощ. Но не фрукт. Порядочный человек. Это было видно с первого взгляда. Порядочность заметна так же, как и непорядочность.

Она все смотрела, смотрела, видела его детскость, беспородность, волосы серые с бежевым, иностранец называл такой цвет «коммунальный», бледные губы, какие бывают у рыжеволосых, покорные глаза, привыкшие перемаргивать все обиды, коммунальный цвет усов и бороды.

— Как вас зовут? — спросила Инна.

— Вадим.

Когда-то, почти в детстве, ей это имя нравилось, потом разочем нравилось, и сейчас было скучно возвращаться к разочарованию.

СТАРАЯ СОБАКА

— Можно, я буду звать вас иначе? — спросила она.

— Как?

— Адам.

Он тихо засмеялся. Смех у него был странный. Будто он смеялся по секрету.

— А вы — Ева.

— Нет. Я Инна.

— Ин-нна... — медленно повторил он, пружиня на «н».

Имя показалось ему прекрасным, просвечивающим на солнце, как виноградина.

— Это ваше имя, — признал он.

После обеда вместе поднялись и вместе вышли.

Вокруг дома отдыха шла тропа, которую Инна называла «гипертонический круг». На этот круг отдыхающие выползали, как тараканы, и ползли цепочкой друг за дружкой.

Инна и Адам заняли свое место в цепочке. Навстречу и мимо них прошла клоунесса в паре с хипповой старушкой. На старушке была малахитовая брошь, с которой было бы очень удобно броситься в пруд вниз головой. Никогда не всплывешь. Обе старушки обежали Инну и Адама глазами, объединив их своими взглядами, как бы проведя вокруг них овал. Прошли мимо. Инна ощутила потребность обернуться. Она обернулась, и старушки тоже вывернули шеи. Они были объединены каким-то общим флюидным полем. Инне захотелось выйти из этого поля.

— Пойдемте отсюда, — предложила она.

— Поедем на речку.

Дорога к реке шла сквозь высокую рожь, которая действительно была золотая, как в песне. Стебли и колосья скреблись в машину. Инна озиралась по сторонам, и казалось, что глаза ее обрели способность видеть в два раза ярче и интереснее. Было какое-то общее ощущение событийности, хотя невелико событие — ехать на машине сквозь высокую золотую рожь.

Изо ржи будто нехотя поднялась черная сытая птица.

— Ворона, — узнала Инна.

— Ворон, — поправил Адам.

— А как вы различаете?

— Вы, наверное, думаете, что ворон — это муж вороны. Нет.

Это совсем другие птицы. Они так и называются: ворон.

— А тогда как же называется муж вороны?

— Дело не в том, как он называется. А в том, кто он есть по существу.

Адам улыбнулся. Инна не видела, но почувствовала, что он улыбнулся, потому что машина как бы наполнилась приглушенной застенчивой радостью.

Целая стая взлетела, вспугнутая машиной, но поднялась невысоко, видимо понимая, что машина сейчас проедет и можно будет сесть на прежнее место. Они как бы приподнялись, пропуская машину, низко планировали, обметая машину крыльями.

Невелико событие — проезжать среди птиц, но этого никогда раньше не было в ее жизни. А если бы и было, она не обратила бы внимания. Последнее время Инна все выясняла отношения с любимым человеком, и ее все время, как говорила Ираида, бил колотун. А сейчас колотун отлетел так далеко, будто его и вовсе не существовало в природе. В природе стояла золотая рожь, низко кружили птицы, застенчиво улыбался Адам.

Подъехали к реке.

Инна вышла из машины. Подошла к самой воде. Вода была совершенно прозрачная. На середине в глубине стояли две метровые рыбины — неподвижно, нос к носу. Что-то ели или целовались.

Инна никогда не видела в естественных условиях таких больших рыб.

— Щелкоперка, — сказал Адам. Он все знал. Видимо, он был связан с природой и понимал в ней все, что надо понимать.

— А можно их руками поймать? — спросила Инна.

— А зачем? — удивился Адам.

Инна подумала: действительно, зачем? Отнести повару? Но ведь в санатории и так кормят.

Адам достал из багажника раскладной стульчик и надувной матрас. Матрас был яркий — синий с желтым и заграничный. Инна догадалась, что он заграничный, потому что от наших матрасов удушливо воняло резиной и этот запах не выветривался никогда.

Адам надул матрас для Инны, а сам уселся на раскладной стульчик возле самой воды. Стащил рубашку.

Инна подумала и тоже стала снимать кофту из индийской марли. Она расстегнула только две верхние пуговицы, и голова шла туго.

Адам увидел, как она барахтается своими белыми роскошными руками, и тут же отвернулся. Было нехорошо смотреть, когда она этого не видит.

Подул теплый ветер. По реке побежала сверкающая рябь, похожая на несметное количество сверкающих человечков, наплывающих фанатично и неумолимо — войско Чингисхана с поднятыми копьями.

Инна высвободила голову, сбросила джинсы, туфли. Медленно легла на матрас, как бы погружая свое тело в воздух, пропитанный солнцем, близкой водой, близостью Адама. Было спокойно, успокоенно. Колотун остался в прежней жизни, а в этой — свернуты все знамена и распущены все солдаты, кроме тех, бегущих над целующимися рыбами.

«Хорошо», — подумала Инна. И подумала, что это «хорошо» относится к «сейчас». А счастье — это «сейчас» плюс «всегда». Сиюминутность плюс стабильность. Она должна быть уверена, что так будет и завтра, и через год. До гробовой доски и после гроба.

— А где вы работаете? — спросила Инна.

Этот вопрос был продиктован не праздным любопытством. Она забивала сваи в фундамент своей стабильности.

— В патентном бюро.

— А это что?

— Я, например, занимаюсь продажей наших патентов за границу.

— Это как? — Инна впервые сталкивалась с таким родом деятельности.

— Ну... Когда мы умеем делать что-то лучше, они у нас учатся, — популярно объяснил Адам.

— А мы что-то умеем делать лучше?

— Сколько угодно. Шампанское например.

Инна приподнялась на локте, смотрела на Адама с наивным выражением.

От слов «патентное бюро» веяло иными городами, степями, неграми, чемаданами в наклейках.

— А ваша жена — тоже в патентном бюро? — спросила Инна.

Это был генеральный вопрос. Ее совершенно не интересовало участие жены в общественной жизни. Ее интересовало — женат он или нет, а спросить об этом прямо было неудобно.

— Нет, — сказал Адам. — Она инженер.

«Значит, женат», — поняла Инна, но почему-то не ощутила опустошения.

— А дети у вас есть?

— Нет.

— А почему?

— У жены в студенчестве была операция аппендицита. Неудачная. Образовались спайки. Непроходимость, — доверчиво поделился Адам.

— Но ведь это у нее непроходимость.

— Не понял. — Адам обернулся.

— Я говорю: непроходимость у нее, а детей нет у вас, — растолковала Инна.

— Да. Но что же я могу поделывать? — снова не понял Адам.

«Бросить ее, жениться на мне и завести троих детей, пока еще не выстарился окончательно», — подумала Инна. Но вслух ничего не сказала. Подняла с земли кофту и положила на голову, дабы не перегреться под солнцем. Адам продолжал смотреть на нее, ожидая ответа на свой вопрос, и вдруг увидел ее всю — большую, молодую и сильную, лежащую на ярком матрасе, и подумал о том же, что и она, и тут же смутился своих мыслей.

Обедали они уже вместе. То есть все было как раньше, каждый сидел на своем месте и ел из своей тарелки. Но раньше они были врозь, а теперь — вместе. Когда подали второе, Адам снял со своей тарелки круглый парниковый помидор и перенес его в тарелку Инны — так, будто она его дочь и ей положены лучшие куски. Инна не отказалась и не сказала «спасибо». Восприняла как должное. На этом кругленьком, почти ненастоящем помидорчике как бы определилась дальнейшая расстановка сил: он все отдает, она все принимает без благодарности. И неизвестно — кому лучше? Дающему или берущему? Отдавая, человек лишается чего-то конкретного, скажем, помидора. А черпает из чаши ДОБРА.

Инна тоже черпала, было дело. Отдала все, чем была богата, — молодость, надежды. И с чем она осталась?

После обеда поехали по местным торговым точкам. Инна знала — в загородных магазинах можно купить то, чего не достанешь в Москве. В Москве у каждого продавца своя клиентура и клиентов больше, чем товаров. А здесь, в ста километрах, клиентов может не хватить, и стоящие товары попадают на прилавок.

Инна вошла в дощатый магазин, сразу же направилась в отдел «Мужская одежда» и сразу же увидела то, что было нужно:

финский светло-серый костюм из шерстяной рогожки. Инна сняла с кронштейна костюм, пятидесятый размер, третий рост, и протянула Адаму.

— Идите примерьте! — распорядилась она.

Адам не знал, нужен ему костюм или нет. Но Инна вела себя таким образом, будто она знала за него лучше, чем он сам.

Адам пошел в примерочную, задернул плюшевую занавеску. Стал переодеваться, испытывая все время внутреннее недомогание. Он не привык, чтобы о нем заботились, принимали участие. Жена никогда его не одевала и не одевалась сама. Она считала — не имеет значения, во что одет человек. Имеют значение нравственные ценности. Она была человеком завышенной нравственности.

Инна отвела штормку, оглядела Адама. Пиджак сидел как влитой, а брюки были велики.

Инна принесла костюм сорок восьмого размера, высвободила с вешалки брюки и протянула Адаму.

— Наденьте эти брюки, — велела она. — А эти снимите.

— Почему? — не понял Адам.

— Велики.

— Разве?

— А вы не видите? Сюда же можно засунуть еще один зад.

— Зато не жмут, — неуверенно возразил Адам.

— Самое главное в мужской фигуре — это зад!

Она действительно была убеждена, что мужчина во все времена должен гоняться с копьём за мамонтом и у него должны торчать ребра, а зад обязан быть тощий, как у кролика, в брюках иметь полудетский овальный рисунок.

У Адама в прежних портках зад выглядел как чемодан, и любая мечта споткнется о такое зрелище.

— Тесно, — пожаловался Адам, отодвигая штормку. — Я не смогу сесть.

Инна посмотрела и не поверила своим глазам. Перед ней стоял элегантный господин шведского типа — сильный мира сего, скрывающий свою власть над людьми.

— Оставайтесь так, — распорядилась Инна. Она уже не смирилась бы с обратным возвращением в дедовские штаны и неприглядную рубаху, которая пузырилась под поясом.

Она взяла вешалку, повесила на нее брюки пятидесятого размера, пиджак сорок восьмого. Отнесла на кронштейн.

- Идите платить, — сказала она.
- Наверное, надо предупредить продавщицу, — предположил Адам.
- О чем?
- О том, что мы разрознили костюм. Что он не парный...
- И как вы думаете, что она вам ответит? — поинтересовалась Инна.
- Кто?
- Продавщица. Что она вам скажет?
- Не знаю.
- А я знаю. Она скажет, чтобы вы повесили все, как было.
- И что?
- Ничего. Останетесь без костюма.
- Адам промолчал.
- У вас нестандартная фигура: плечи — пятьдесят, а бедра — сорок восемь. Мы так и купили. Я не понимаю, что вас не устраивает? Вы хотите иметь широкие штаны или узкий пиджак?
- Да, но придет следующий покупатель, со стандартной фигурой, и останется без костюма. Нельзя же думать только о себе.
- А чем вы хуже следующего покупателя? Почему у него должен быть костюм, а у вас нет?
- Адам был поставлен в тупик такой постановкой вопроса. Честно сказать, в самой-самой глубине души он считал себя хуже следующего покупателя. Все люди казались ему лучше, чем он сам. И еще одно обстоятельство: Адам не умел быть счастливым за чей-то счет, в том числе за счет следующего покупателя.
- Ну, я не знаю... — растерянно сказал Адам.
- А я знаю. Вы любите создавать себе трудности, — определила Инна. — Вас хлебом не корми — дай пострадать.
- Она взяла Адама за руку и подвела к кассе.
- Сто шестьдесят рублей, — сказала кассирша.
- Адам достал деньги, отдал кассирше. Та пересчитала их и бросила в свой ящичек, разгороженный для разных купюр. И все это время у Адама было чувство, будто он идет через контрольный пост с фальшивыми документами.
- Инна отошла к продавцу и протянула старую одежду Адама:
- Заверните.
- Продавец ловко запаковал, перевязал шпагатиком и вручил сверток.

Вышли на улицу.

Возле магазина был небольшой базар. Старухи в черном продавали яблоки в корзинах и астры в ведрах.

Увидев Адама и Инну, они притихли, как бы наполнились уважением. Инна посмотрела на своего спутника — со стороны, глазами старух — и тоже наполнилась уважением. А уважение — самый необходимый компонент для пирога любви.

— Потрясающе... — обрадовалась Инна, услышав в себе этот необходимый компонент.

— Да? — Адам осветился радостью и тут же забыл свои недавние сомнения относительно следующего покупателя.

«А в самом деле, — подумал он, — почему не я?» Он давно хотел иметь хороший костюм, но все время почему-то откладывал на потом. Хотя почему «потом» лучше, чем «сейчас»? Наверняка хуже. «Потом» человек бывает старше и равнодушнее ко всему. В жизни надо все получать своевременно.

— Maintenant, — проговорил Адам.

— Что? — не поняла Инна.

— Maintenant по-французски — это «сейчас».

Инна остановилась и внимательно посмотрела на Адама. Она тоже ничего не хотела ждать. Она хотела быть счастливой сегодня. Сейчас. Сию минуту.

Адам подошел к старухе и купил у нее цветы. Астры были с блохами, а с повядших стеблей капала вода.

Инна оглядела цветы, вернула их бабке, востребовала деньги обратно и купила на них яблоки у соседней старухи. Когда они отошли, Адам сказал, смущаясь замечания:

— По-моему, это неприлично.

— А продавать такие цветы прилично? — Инна посмотрела на него наивными зелеными глазами.

«И в самом деле», — усомнился Адам.

По вечерам в санатории показывали кино. Фильмы были преимущественно о любви, и преимущественно плохие. Похоже, их создатели не догадывались, зачем мир расколот на два пола — мужчин и женщин. И не помнили наверняка, как люди размножаются — может быть, отводками и черенками, как деревья.

Однако все отдыхающие шли в просмотровый зал, садились и пережидали кино от начала до конца, как пережидают беседу с занудливым собеседником. С той разницей, что от собеседника уйти неудобно, а с фильма — можно.

Инна и Адам садились рядом и смотрели до конца, не потому что их интересовала вялая лента, а чтобы посидеть вместе. Инна все время ждала, что Адам проявит какие-то знаки заинтересованности и коснется локтем локтя или мизинца мизинцем. Но Адам сидел как истукан, глядел перед собой с обалделым видом и не смел коснуться даже мизинцем. Инна догадывалась, что все так и будет продолжаться и придется брать инициативу в свои руки. Такого в ее небогатой практике не встречалось. Адам был исключением из правила. Как правило, Инна находилась в состоянии активной обороны, потому что не хотела быть случайной ни в чьей жизни. Пусть даже самой достойной.

В понедельник киномеханик был выходной. Отдыхающие уселись перед телевизором, а Инна и Адам отправились пешком в соседнюю деревню. В клуб.

В клубе кино отменили. В этот день проходил показательный процесс выездного суда. Инна выяснила: истопник пионерского лагеря «Ромашка» убил истопника санатория «Березка». Оба истопника из этой деревни, поэтому именно здесь, в клубе, решено было провести показательный суд в целях педагогических и профилактических.

Деревня состояла из одной улицы, и вся улица собралась в клуб. Народу набралось довольно много, но свободные места просматривались. Инна и Адам забрались в уголок, приобщились к зрелищу. Скорбному театру.

За длинным столом лицом к залу сидел судья, черноволосый, с низким лбом, плотный и идейно добротный. По бокам от него — народные заседатели, женщины со сложными немодными прическами и в кримпленовых костюмах.

На первом ряду, спиной к залу, среди двух милиционеров сидел подсудимый, истопник «Ромашки».

— А милиционеры зачем? — тихо спросила Инна.

— Мало ли... — неопределенно отозвался Адам.

— Что?

— Мало ли что ему в голову взбредет.

Инна внимательно посмотрела на «Ромашку» и поняла: ему ничего в голову не взбредет. «Ромашка» был мелок, худ, как подросток, невзрачен, с каким-то стертым лицом, на котором читались явные признаки вырождения. Чувствовалось, что его род пришел к окончательному биологическому упадку, и следовало бы запретить ему дальше размножаться в интересах охраны

природы. Однако выяснилось, что у обвиняемого двое детей, которые его любят. А он любит их...

Судья попросил рассказать «Ромашку», как было дело. Как это все произошло.

«Ромашка» начал рассказывать о том, что утром он подошел к «шестерке» за бутылкой и встретил там «Березку».

— Какая шестерка? — не понял судья.

«Ромашка» объяснил, что «шестерка» — это сельмаг № 6, который стоит на их улице и сокращенно называется «шестерка».

Судья кивнул головой, показывая кивком, что он понял и удовлетворен ответом.

...«Березка» подошел к «Ромашке» и положил ему на лицо ладонь с растопыренными пальцами. («Ромашка» показал, как это выглядело, положив свою ладонь на свое лицо.)

Он положил ладонь на лицо и толкнул «Ромашку» — так, что тот полетел в грязь.

По показаниям свидетелей, потерпевший «Березка» имел двухметровый почти рост и весил сто шестнадцать килограмм. Так что «Ромашка» был величиной с одну «Березкину» ногу. И наверняка от незначительного толчка летел далеко и долго.

— Дальше, — потребовал судья.

— Дальше я купил бутылку и пошел домой, — продолжал «Ромашка».

Он нервничал до озноба, однако, чувствуя внимание к себе зала, испытывал, как показалось Инне, что-то похожее на вдохновение. Он иногда криво и немножко высокомерно усмехался. И зал внимал.

— А потом днем я опять пришел к «шестерке». Сел на лавку.

— Зачем? — спросил судья.

— Что «зачем»? Сел или пришел?

— Зачем пришел? — уточнил судья.

— За бутылкой.

— Так вы же уже взяли утром, — напомнил судья.

«Ромашка» посмотрел на судью, не понимая замечания.

— Ну да, взял... — согласился он.

— Куда же вы ее дели?

— Так выпил... — удивился «Ромашка».

— С утра? — в свою очередь удивился судья.

— Ну да! — еще больше удивился «Ромашка», не понимая, чего тут можно не понять.

— Дальше, — попросил судья.

— Я, значит, сижу, а он подошел, сел рядом со мной и спихнул. Вот так. — «Ромашка» дернул бедром. — Я упал в грязь.

«Ромашка» замолчал обиженно, углубляясь в прошлое унижение.

— Ну а дальше?

— Я пошел домой. Взял нож. Высунулся в окно и позвал: «Коль...» Он пошел ко мне. Я встал за дверями. Он постучал. Я открыл и сунул в него нож. Он ухватился за живот и пошел обратно. И сел на лавку. А потом лег на лавку.

«Ромашка» замолчал.

— А потом? — спросил судья.

— А потом помер, — ответил «Ромашка», подняв брови.

Медицинская экспертиза показала, что нож попал в крупную артерию и потерпевший умер в течение десяти минут от внутреннего кровотечения.

— Вы хотели его убить или это получилось случайно? — спросил судья.

— Конечно, хотел. — «Ромашка» нервно дернул лицом.

— Может быть, вы хотели его только напугать? — мягко, но настойчиво спросила женщина-заседатель, как бы наводя «Ромашку» на нужный ответ.

Если бы «Ромашка» публично раскаялся и сказал, что не хотел убийства, что все получилось случайно, он судился бы по другой статье и получил другие сроки.

— Нет! — отрезал «Ромашка». — Я б его все равно убил!

— Почему? — спросил судья.

— Он меня третировал.

Чувствовалось, что слово «третировал» «Ромашка» приготовил заранее.

Зал зашумел, заволновался, как рожь на ветру. Это был ропот подтверждения. Да, «Березка» третировал «Ромашку», и тот убил его потому, что не видел для себя иного выхода. Драться с ним он не мог — слишком слаб. Спорить тоже не мог — слишком глуп. Избегать — не получалось, деревня состояла из одной улицы. Он мог его только уничтожить.

— Садитесь, — сказал судья.

«Ромашка» сел, и над залом нависли его волнение, беспомощность и ненависть к умершему. Даже сейчас, за гробом.

Судья приступил к допросу «Березкиной» жены. Вернее, вдовы.

Поднялась молодая рослая женщина Тоня, с гладкой темно-волосой головой и большими прекрасными глазами. Инна подумала, что, если ее одеть, она была бы уместна в любом обществе.

— Ваш муж был пьяница? — спросил судья.

— Пил, — ответила Тоня.

— А это правда, что в пьяном виде он выгонял вас босиком на снег?

— Было, — с неудовольствием ответила Тоня. — Ну и что?

То обстоятельство, что ее муж пил и дрался, не было достаточной причиной, чтобы его убили. А судья, как ей казалось, спрашивал таким образом, будто хотел скомпрометировать умершего. Дескать, невелика потеря.

— Обвиняемый ходил к вам в дом?

— Заходил иногда.

— Зачем?

Судья хотел исключить или, наоборот, обнаружить любовный треугольник. Поискать причину убийства в ревности.

— Не помню.

Она действительно не помнила, зачем один заходил к другому. Может быть, поговорить об общем деле, все-таки они были коллеги. Истопники. Но скорее всего — за деньгами на бутылку.

— Когда он к вам приходил, вы с ним разговаривали?

— Может, и разговаривала. А что?

Тоня не понимала, какое это имело отношение к делу: приходил или не приходил, разговаривала или не разговаривала?

Судья посмотрел на статную, почти прекрасную Тоню, на «Ромашку» — и не смог объединить их даже подозрением.

— Вы хотите подсудимому высшей меры? — спросил судья.

— Как суд решит, так пусть и будет, — ответила Тоня, и ее глаза впервые наполнились слезами.

Она не хотела мстить, но не могла и простить.

— Озорной был... — шепнула Инне сидящая рядом старуха. — Что с его шло...

Сочувствие старухи принадлежало «Ромашке», потому что «Ромашка» был слабый, почти ущербный. И потому, что «Березку» жалеть было поздно.

Инна внимательно поглядела на старуху и вдруг представила себе «Березку» — озорного и двухметрового, не знающего, куда девать свои двадцать девять лет и два метра. Ему было тесно на этой улице, с «шестеркой» в конце улицы и лавкой перед «ше-

стеркой». На этой лавке разыгрывались все деревенские празднества и драмы. И умер на этой лавке.

— Садитесь, — разрешил судья.

Тоня села, плача, опустив голову.

Стали опрашивать свидетелей.

Вышла соседка подсудимого — баба в ситцевом халате, с прической двадцатилетней давности, которую Инна помнила у матери. Она встала вполоборота, чтобы было слышно и судье, и залу. Принялась рассказывать:

— Я, значит, побежала утречком, набрала грибов в целлофановый мешок. Отварила в соленой водичке, скинула на дуршлаг. Собралась пожарить с лучком. Говорю: «Вась, сбегай за бутылкой...»

— Опять бутылка! — возмутился судья. — Что вы все: бутылка да бутылка... Вы что, без бутылки жить не можете?

Свидетельница замолчала, уставилась на судью. Челюсть у нее слегка отвисла, а глазки стали круглые и удивленные, как у медведика. Она не понимала его неудовольствия, а судья не понимал, чего она не понимает.

Повисла пауза.

— Рассказывайте дальше, — махнул рукой судья.

— Ну вот. А потом он забежал на кухню, взял нож. А дальше я не видела. Потом захожу к нему в комнату, а он под кроватью сидит...

Судья развернул тряпку и достал нож, который лежал тут же на столе как вещественное доказательство. Нож был громадный, с черной пластмассовой ручкой. Зал замер.

— Да... — Судья покачал головой. — С таким тесаком только на кабана ходить.

И преступление выпрямилось во весь рост.

«Ромашке» дали одиннадцать лет строгого режима. Он выслушал приговор с кривой усмешкой.

Судья испытывал к «Ромашке» брезгливое пренебрежение. А женщины-заседатели смотрели на него со сложным выражением. Они знали, что стоит за словами «строгий режим», и смотрели на него как бы через это знание. А «Ромашка» не знал, и ему предстоял путь, о котором он даже не догадывался.

Суд кончился.

«Ромашку» посадили в машину и увезли. Все разбрелись с отягощенными душами.

Инна и Адам пошли в санаторий.

Дорога лежала через поле.

Солнце скатилось к горизонту, было огромное, объемно-круглое, уставшее. Инна подумала, что днем солнце бывает цвета пламени, а вечером — цвета тлеющих углей. Значит, и солнце устает к концу дня, как человек к концу жизни.

Вдоль дороги покачивались цветы и травы: клевер, метелки, кашка, и каждая травинка была нужна. Например, коровам и пчелам. Для молока и меда. Все необходимо и связано в круговороте природы. И волки нужны — как санитары леса, и мыши нужны — корм для мелких хищников. А для чего нужны эти две молодые жизни — Коли и Васи? Один — уже в земле. Другой хоть и жив, но тоже погиб, и если нет «иной жизни», о чем тоскливо беспокоилась клоунесса, значит, они пропали безвозвратно и навсегда. А ведь зачем-то родились и жили. Могли бы давать тепло — ведь они истопники.

Кто всем этим распоряжается? И почему «он» или «оно» ТАК распорядилось?..

Вошли в лес. Стало сумеречно и прохладно.

Инна остановилась и посмотрела на Адама. В ее глазах стояла затравленность.

— Мне страшно, — сказала она. — Я боюсь...

Ему захотелось обнять ее, но он не смел. Инна сама шагнула к нему и уткнулась лицом в его лицо. От него изумительно ничем не пахло, как ничем не пахнет морозное утро или ствол дерева.

Инна положила руки ему на плечи и прижала к себе, будто объединяя его и себя в общую молекулу.

Что такое водород или кислород? Газ. Эфемерность. Ничто. А вместе — это уже молекула воды. Качественно новое соединение.

Инне хотелось перейти в качественно новое соединение, чтобы не было так неустойчиво в этом мире под уставшим солнцем.

Адам обнял ее руками, ставшими вдруг сильными. Они стояли среди деревьев, ошеломленные близостью и однородностью. Кровь билась в них гулко и одинаково. И вдруг совсем неожиданно и некстати в ее сознании всплыло лицо того, которого она любила. Он смотрел на нее, усмехаясь презрительно и самолюбиво, как бы говорил: «Эх ты...» «Так тебе и надо», — мысленно ответила ему Инна и закрыла глаза.

— Адам... — тихо позвала Инна.

Он не отозвался.

— Адам!

Он, не просыпаясь, застонал от нежности. Нежность стояла у самого горла.

— Я не могу заснуть. Я не умею спать вдвоем.

— А?

Адам открыл глаза. В комнате было уже светло. Тень от рамы крестом лежала на стене.

— Ты иди... Иди к себе, — попросила Инна.

Он не мог встать. Но не мог и послушаться. Она сказала: иди. Значит, надо идти.

Адам поднялся, стал натягивать на себя новый костюм, который был ему неудобен. Инна наблюдала сквозь полуприкрытые ресницы. Из окна лился серый свет, Адам казался весь дымчато-серебристо-серый. У него были красивые руки и движения, и по тому, как он застегивал пуговицы на рубашке, просматривалось, что когда-то он был маленький и его любила мама. Инна улыбнулась и поплыла в сон. Сквозь сон слышала, как хлопнула одна дверь, потом другая. Ощутила свободу, которую любила так же, как жизнь, и, засыпая, улыбнулась свободе. Провела ладонью по плечу, с удивлением отмечая, что и ладонь, и плечо — не прежние, а другие. Раньше она не замечала своего тела, оно имело как бы рабочее значение: ноги — ходить, руки — работать. Но оказывается, все это, вплоть до каждой реснички, может существовать как отдельные живые существа и необходимо не только тебе. Гораздо больше, чем тебе, это необходимо другому человеку. Инна заснула с уверенностью, что она всесильна и прекрасна. Ощутила себя нормально, ибо это и есть норма — слышать себя всесильной и прекрасной. А все остальное — отклонение от нормы.

Птицы молчали, значит, солнце еще не встало.

Облака бежали быстро, были перистые и низкие.

Цвела сирень. Гроздь даже по виду были тугие и прохладные. Адам посмотрел на небо, его глаза наполнились слезами. Он заплакал по жене. Ему бесконечно жаль стало свою Светлану Алексеевну, с которой прожил двадцать лет и которая была порядочным человеком. Это очень ценно само по себе — иметь дело с порядочным человеком, но, как оказалось, в определенной си-

туации это не имело ровно никакого значения. Он понимал, что должен уйти от нее, а значит, нанести ей реальное зло.

Адам пошел по аллее к своему корпусу. Деревья тянулись к небу, ели — сплошные, а березы — ажурные. Одна береза лежала поваленная, с выкорчеванными корнями. Корни переплелись, как головы звероящера. У одной головы болел зуб и корень-рука подпирает корень-щеку. «Инна», — подумал Адам.

Пробежал ежик. Он комочком перекатился через дорогу и нырнул в высокую траву. «Инна», — подумал Адам.

Все живое и неживое слилось у него в единственное понятие: Инна.

Облака бежали, бежали, бежали... Адам остановился, вбирая глазами небо и землю, испытывал гордый человеческий настрой души, какого он не испытывал никогда прежде. Он был как никогда счастлив и как никогда несчастен.

На завтрак Инна пришла позже обычного. Адам ждал ее за столом.

Она волновалась — как они встретятся, что скажут друг другу. Тот человек, которого она любила, умел сделать вид, что ничего не случилось. И так у него это ловко выходило, что Инна и сама, помнится, усомнилась. И засматривала в его безмятежное лицо.

Инна подходила к столу — прямая и независимая, на всякий случай, если понадобится независимость. Адам поднялся ей навстречу. Они стояли друг против друга и смотрели, молча — глаза в глаза, и это продолжалось долго, почти бесконечно. Со стороны было похоже, будто они глядят на спор: кто дольше?

Кто-то очень умный, кажется даже царь Соломон, сказал о любви: тайна сия велика есть. Тайна — это то, чего не знаешь. Когда-то вода тоже была тайной, а теперь вода — это две молекулы водорода и одна кислорода. Так и любовь. Сейчас это тайна. А когда-нибудь выяснится: валентность души одного человека точно совпадает с валентностью другого и две души образуют качественно новую духовную молекулу.

Адам и Инна стояли и не могли снять глаз друг с друга, и сердце стучало, потому что шла цепная реакция, объединяющая души в Любовь.

— Панкратов! К телефону! — крикнула уборщица тренированным горлом.

— Это меня, — сказал Адам.

— Кто? — испугалась Инна. Ей показалось, он сейчас уйдет и никогда не вернется, и душа снова останется неприкаянной, как детдомовское дитя.

— Не знаю.

— Панкратов! — снова гаркнула уборщица.

— Я сейчас, — пообещал он и пошел.

Инна села на стул и опустила глаза в тарелку.

— Можно, я у вас спрошу? — обратилась клоунесса. Она не начала сразу, с вопроса, который хотела задать, а как бы деликатно постучалась в Инну.

Инна подняла глаза.

— Мне сегодня снилось, будто меня кусала кошка.

— Больно? — спросила Инна.

— Ужасно. Она сцепила зубы на моей руке, и я просто не знала, что мне делать. Я боялась, что она мне выкусит кусок.

— Надо было зажать ей нос, — предложил завязавший алкоголик.

— Зачем?

— Ей нечем стало бы дышать, и она разжала бы зубы.

— Я не догадалась. — Клоунесса подняла брови.

— Между прочим, я тоже ужасно боюсь кошек, — сказала жена алкоголика. — Вот я иду мимо них и никогда не знаю, что у них на уме.

Вернулся Адам. Он сел за стол и начал есть.

— Это очень хороший сон, — сказала Инна. Она сказала то, что клоунесса хотела от нее услышать.

Людам совершенно не обязательно заранее знать плохую правду. Плохая правда придет сама и о себе заявит. Людям надо подкармливать надежду.

Клоунесса радостно закивала, поверила, что кусающая кошка — вестник прекрасных перемен.

— Жена? — тихо спросила Инна.

Он кивнул.

— Ты уезжаешь?

Он кивнул.

— Навсегда?

— На полдня. Туда и обратно.

Адам поднял глаза на Инну, и она увидела в них, что цепная реакция его души уже совершилась и никакие звонки не в состоянии ее расцепить. Инна хотела улыбнуться, но сморщилась. Она устала.

— Жена уезжает в командировку. Некуда девать собаку. Она попросила, чтобы я ее забрал.

— А как ее зовут? — спросила Инна.

— Кого? Жену?

— Собаку.

— Радда... Она все время радовалась. Мы ее так назвали.

— Глупая, что ли?

— Почему глупая?

— А почему все время радовалась?

— Оттого что умная. Для радости найти причины гораздо сложнее, чем для печали. Люди любят себя, поэтому им все время чего-то для себя не хватает. И они страдают. А собаки любят хозяев и постоянно радуются своей любви.

— Я тебя провожу, — сказала Инна.

— Проводишь и встретишь.

Адам вернулся к вечеру и повел Инну в деревню Манино — ту самую, где шел суд.

Держать собаку в санатории категорически запретили. Адам договорился со старушкой из крайнего дома, и она за пустяковую цену сдала Радде пустую конуру. Радда без хозяина остаться не пожелала, она так взвыла, что пришлось Адаму поселиться у той же старушки. Он решил, что будет кормиться в санатории, а жить в деревне.

— А какой она породы? — спросила Инна.

— Шотландский сеттер.

Инна в породах не разбиралась и не представляла себе, как выглядит шотландский сеттер, однако оба этих слова ей понравились. За словом «шотландский» стояло нечто еще более иностранное, чем «английский». За этим словом брезжили молчаливые блондины в коротких клетчатых юбках.

Дорога шла через овраг. На дне оврага стучал по камешкам ручей. Через него лежали деревянные мостки с деревянными перилами. «Как в Шотландии», — подумала Инна, хотя овраг с ручейком и мостиком мог быть в любой части света. Кроме Африки. А может, и в Африке.

— А она красивая? — спросила Инна.

— Она очень красивая, — с убеждением сказал Адам. — Она тебе понравится. Она не может не понравиться.

Он открыл калитку, сбросив с нее веревочную петлю, и вошел во двор. Большая тяжелая собака, улыбаясь всей пастью и раз-

махивая хвостом, устремилась навстречу. Она подняла к Инне морду с выражением: «Ну, что будем делать? Я согласна на все», и Инна увидела, что ее правый глаз затянут плотным сплошным бельмом и напоминает крутое яйцо. Вокруг смеющейся пасти — седая щетина, а розовый живот болтается как тряпка...

— Она старая? — догадалась Инна.

— Ага, — беспечно сказал Адам. — Ей шестнадцать лет.

— А сколько живут собаки?

— Пятнадцать.

— Значит, ей сто десять лет? — спросила Инна. — Она у тебя долгожитель?

Адам тихо, счастливо улыбался, поскольку присутствовал при встрече самых родных и необходимых ему существ.

Из дома вышла старуха и высыпала в траву собачий ужин: остатки каши и размолоченный хлеб. Радда обнюхала и с недоумением поглядела на хозяина.

— Ешь, — приказал Адам. — Ты не дома.

Радда стала послушно есть, и такая покорность была почему-то неприятна Инне. Она поняла, что старая собака будет жрать все, абсолютно все, без исключения, если хозяин прикажет: ешь.

Радда покончила с ужином и угодливо обнюхала каждую травинку, проверяя, не осталось ли чего, и посмотрела на Адама, ожидая похвалы.

— Пошли погуляем, — предложил Адам.

Вышли на дорогу. Собака побежала впереди. Инна обратила внимание, что она не останавливается для малой нужды, как все собаки, а продолжает идти на чуть согнутых и чуть раскоряченных ногах, не прерывая своего занятия. Видимо, ей было жалко тратить на это время. Собака знакомилась со всем, что встречалось ей на дороге: обрывки газет, деревенские собаки, редкие прохожие. Подбегая к людям, она прежде всего обнюхивала конец живота, отчего люди конфузились, смущенно взглядывали на Адама и Инну, и у Инны было такое чувство, будто она участвует в чем-то малопривлекательном.

— Радда! Фу! — прикрикивал Адам низковатым скрипучим голосом. В раздражении его голос как бы терял соки и становился необаятельным. И можно было себе представить, каков он в раздражении.

— Пойдем на речку, — попросила Инна.

Адам открыл дверцы машины. Радда тут же привычным движением вскочила на переднее сиденье.

— А ну убирайся! — приказал Адам, но Радда и ухом не повела. Ей хотелось быть как можно ближе к хозяину, и она умела не слышать то, что ей не хотелось слышать.

— Ее надо вымыть, — заметила Инна тускло.

— Разве? — удивился Адам, отмечая тусклость ее голоса и теряясь.

— А ты не чувствуешь?

Дорога к реке и река были прежними, но Инна не могла пробиться к прежней радости. Ей что-то мешало, но что именно — она не могла определить.

Радде не мешало ничего. Выскочив из машины на берег, она пришла в неописуемый восторг. Она разогналась и влетела в воду, поплавала там по-собачьи, приподняв нос над водой, потом выскочила на берег, сильно стряхнулась, и брызги веером полетели на Инну, и в каждой капле отражались все семь цветов светового спектра.

— Убери ее, — тихо и определенно попросила Инна.

Убрать собаку, а самому остаться возле Инны было практически невозможно. Собаку можно было убрать только вместе с собой.

Адам разделся, взял собаку за ошейник и пошел вместе с ней в воду. Инна сидела на берегу, насупившись, и наблюдала, как он выдавил на ладонь полтюбика шампуня и стал мыть собаку. Инна подумала, что этими же руками он обнимет ее вечером, и насупилась еще больше. Освободившись от хозяина, собака выскочила на берег, опрокинулась на спину и стала кататься по земле, как бы назло: дескать, ты меня мыл, а я сейчас запачкаюсь.

— Фу! — сказал Адам, выходя.

Инна не поняла — почему «фу», посмотрела внимательнее и увидела, что собака катается по засохшим коровьим лепешкам.

— Убери ее! — снова потребовала Инна.

— Она что, тебе мешает? — заподозрил Адам.

Инна внимательно посмотрела на Адама и вдруг увидела, что они похожи со своей собакой: та же седая желтизна, то же выражение естественности на длинном лице. И то же упрямство. Чем бы их желания ни были продиктованы, пусть даже самыми благородными намерениями, но они всегда делали так, как хотели, —

СОДЕРЖАНИЕ

Старая собака	5
Лошади с крыльями	47
Длинный день	87
Сентиментальное путешествие	142
Звезда в тумане	201
Ничего особенного	238
Первая попытка	272
Пять фигур на постаменте	309
Лавина	355
Я есть. Ты есть. Он есть	411
Телохранитель	455
Своя правда	498
Террор любовью	574

Литературно-художественное издание

ВИКТОРИЯ САМОЙЛОНА ТОКАРЕВА

ЛОШАДИ С КРЫЛЬЯМИ

Повести

Редактор и составитель Данил Гурьянов
Художественный редактор Сергей Карпухин
Технический редактор Лидия Сеницына
Корректор Татьяна Дмитриева
Компьютерная верстка Татьяны Коровенковой

Главный редактор Александр Жикаренцев

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

16+

Подписано в печать 29.06.2018. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 40,0.
Тираж 3000 экз. В-ARL-23053-01-R. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru